

ФИЛОСОФИЯ

З. Л. Сакаева

Россия, Омск

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

Научный руководитель: д.филос.н., профессор В.И. Разумов

ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫЕ ОБЪЕКТЫ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Аннотация

Предпринят социально-философский анализ феномена правосознания. Осуществлена экспликация понятия «интенциональность» в плоскости правовой реальности. Вне классических представлений юриспруденции и философии проведена рефлексия системы правовых и философских категорий.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, интенциональность, интенциональные объекты

Социально-философский анализ феномена правосознания немислим без обращения к таким категориям как: интенция, интенциональность, интенциональные объекты, поскольку именно через данные категории возможно раскрытие глубинных и естественных связей между правовой реальностью и правосознанием, правом и правосознанием, правосознанием и иными формами сознания. Интенциональность – это одно из свойств сознания, а также правосознания как одной из возможных форм сознания. В переводе с латинского языка *intention* – стремление. Смысл данного понятия сводится к пониманию интенции как направленности сознания, мышления на какой-либо предмет [1, с. 138]. Наиболее всесторонне такие философские категории как: интенция, интенциональные объекты, описаны и интерпретированы в феноменологии 19-20 веков, такими философами как Франц Brentano, Эдмунд Гуссерль, Джон Сёрл, Дэниел Денет и др.

Ф. Brentano рассматривает поставленные ещё Аристотелем вопросы: «К чему я должен стремиться? Какая цель правильная, а какая нет?» Для него эти вопросы направлены на уяснение природы интенционального объекта. Философ отвечает на поставленные вопросы так: «Из достижимых благ выбирай лучшее». И далее формулирует новые вопросы: «что же значит наилучшее? Что мы вообще называем «благом»? «И каким путём мы узнаём, что нечто является благом, и лучше, чем что-то другое?» [2, с. 48] Как видим, интенциональный акт всегда связан с целеполаганием, которое связано с достижением какого-либо блага, а значит, уже предполагает в своём существовании интенциональный объект - стремление к благу.

Для Brentano объекты интенционального отношения могут быть как предметно даны в действительности, так и существовать имманентно. Он пишет: «нет слышания без того, что слышат, веры без того, во что верят, надежды – без того, на что надеются, стремления – без того, к чему стремятся, радости – без того, чему радуются, и так во всём» [2, с. 48]. Как видим круг объектов (благ) для интенциональных актов сознания не ограничен.

Итак, по Brentano есть два класса вещей: класс идеальных предметов (чистые фикции) и класс конкретных вещей (сущее). В правовой реальности большая часть интенциональных объектов принадлежит классу идеальных предметов (правосознание, право, государство и т.д.).

Brentano указывает на то, что иногда люди напрасно и ошибочно расценивают что-либо как благо [2, с. 55]. Так, принимая взятку, взяточполучатель полагает, что полученная материальная ценность является благом, когда же взятка раскрывается и к взяточполучателю применяются меры юридической ответственности, то взятка расценивается им как зло. Наказание является благом для преступника с точки зрения социума, поскольку имеет воспитательное, превентивное значение, но наказание жестокое и чрезмерное, то есть не соответствующее степени и тяжести преступления является злом.

Таким образом, из того, что кто-либо стремится к чему-то самому по себе или ради какой-либо цели, не следует однозначный вывод о том, что этот предмет является благом «для него». Но отчего так случается, что то, что нам нравится, не является однозначно благом? Brentano объясняет это «инстинктивными» или «привычными» импульсами. [2, с. 55]. Из сказанного можно сделать следующий вывод: импульсы могут приводить к правильным или же неправильным суждениям, эмоциям, именно к суждениям и к эмоциям, поскольку по Brentano представления не могут быть правильными и неправильными. Так, взяточполучатель систематически получающий материальные средства в обмен на оказываемые им услуги, действительно действует по привычке, основанной, в частности: на чувстве безнаказанности, ощущении контроля ситуации, на его индивидуальной жизненной философии, оправдывающей его поведение.

Благо может быть абсолютным («лучшее благо») и практическим (то есть познанным благом) [2, с. 113]. Абсолютное благо, по Brentano, – это благо, признаваемое таковым всеми. Ответа на вопрос что же конкретно относится к абсолютному благу он так и не дал. Проанализировав суждение Аристотеля («Метафизика») о том, что «...все люди по природе стремятся к знанию...» он, однозначно не соглашаясь и не отвергая тезис, предложил, что в данном случае, противоположностью знания как блага является заблуждение как зло. Для юриспруденции, на наш взгляд, таким всеобщим (абсолютным) благом является жизнь человека. Лучшее благо, для Brentano, - это то, что достойно «большой любви» [2, с. 51]. Очевидно, что его интересует качественная характеристика любви, описываемая с помощью категории интенциональность. Он делает вывод, что интенсивность блага сложно измерить, а попытка

измерения субъективна и превращает абсолютное благо в относительное. Но, тем не менее, рассматривая эмоциональный акт как благо или зло, он допускает, что интенсивность эмоционального акта влияет на благость эмоционального акта.

На наш взгляд в вопросе о высшем благе, об иерархии благ важную роль играет индивидуальное и общественное предпочтение, которое формируется представлениями, суждениями, эмоциями людей конкретной эпохи. Таким образом, лучшее благо - это всегда субъективное (относительное) благо, поскольку является «благом для...» человека определённой эпохи, культуры.

Своеобразны взгляды Brentano об эмоциях (эмоциональных актах) как о благе. Он вводит понятие «чистого» блага [2, с. 110]. Так, неудовольствие от зла нельзя назвать чистым благом, а удовольствие от зла является «злом по преимуществу». Чтобы эмоция (эмоциональный акт) признавалась благом нужно, чтобы, во-первых, эмоциональный акт был правильным, а, во-вторых, это должен быть акт симпатии, а не антипатии [2, с. 107]. Если исходить из того, что эмоциональный акт может содержать моменты симпатии и антипатии, то по своей сущности благом он быть не может. Философ не уточняет, что понимается под правильным эмоциональным актом. Если исходить из того, что, во-первых, средства для достижения цели могут быть правильными и неправильными, а правильными являются такие средства, что «служат достижению цели» [2, с. 46], во-вторых, правильной целью для него является достижение наилучшего блага, то отсюда следует, что эмоциональный акт является благом, если имеет в себе интенцию к благу и является актом симпатии. Таким образом, понятие блага в трактовке Brentano противопоставляется злу и, по-видимому, равнозначно понятию добра.

Сложно согласиться с Brentano в том, что акт антипатии не может быть благом. Например, можно выражать антипатию к преступности, а значит, подобный эмоциональный акт является благом. Неоднозначная в нашем представлении позиция философа немного проясняется в следующем примере из правовой реальности. Он пишет: «Несмотря на свои недостатки, положительное законодательство создаёт такое положение дел, которое лучше анархии, а поскольку всякое неповиновение закону угрожает умалить его силу в целом, то в созданных самим законом обстоятельствах для индивида, даже с точки зрения разума, будет представляться правильным то, что само по себе он никоим образом не мог бы приветствовать» [2, с. 119]. В данном примере отражена позиция, сформированная в рамках формулы римского права: «Закон суров, но он закон». Кроме того, фраза: «...такое положение дел, которое лучше анархии», позволяет предположить, что Brentano придерживался позиции жертвования личными благами, ради всеобщего режима законности. Тем не менее, чуть дальше он добавляет: «но с другой стороны, нельзя забывать, что и здесь имеются свои границы и что не следует пренебрегать принципом, великим в своей возвышенности и независимости: «Богу должно повиноваться более, нежели людям» [2, с. 119]. Таким образом, Brentano

обозначает проблематику определения благости интенционального акта, но уходит от окончательного её разрешения, возможность которого он, возможно, предоставил правоведам.

Обратимся ещё раз к понятию «лучшего блага». Лучшее благо – это результат «правильного предпочтения» заключает Brentano. Если рассмотреть данное выражение с точки зрения права, то в соответствии с обозначенным смыслом понятия можно говорить о правомерном поступке (правильном предпочтении) как о благе и о противоправном поступке (неправильном предпочтении) как о зле.

Отчасти, смысл понятия «правосознания» постигается через категорию блага. Несмотря на выработку множества определений понятия правосознания в теории государства и права, философии права, упоминание категории «благо» при определении понятия правосознания дано в толковом словаре С.И.Ожегова. В толковом словаре правосознание определяется, как сознание необходимости поддерживать правовые нормы для *блага* человеческого общества [3, с. 468]. Данное определение интересно тем, что оно коррелирует с пониманием свободы Спинозы, как осознанной необходимости. Действительно, бесспорным является то обстоятельство, что право защищает и закрепляет субъективные права, свободы, но при этом оно задаёт границы осуществления субъективных прав. Действующий в Российской правовой реальности принцип гласит: «разрешено всё, что не запрещено законом». Таким образом, осознание важности закона и права в целом как блага для достижения иных благ является одновременно и обретением свободы личности и условием для рождения общественного правосознания как феномена.

В юриспруденции понятие «блага» является видовым по отношению к родовому понятию «объекта правоотношений». Существует два подхода в понимании объектов правоотношений: монистический и плюралистический. В соответствии с монистическим подходом объект – только действия субъектов, поступки людей. В соответствии с плюралистическим подходом (теория множественности объектов) (Малько А.В.) объектами правоотношений могут быть различные объекты и явления, такие как: материальные блага (вещи, ценности, имущество); нематериальные блага (жизнь, здоровье, достоинство, честь и т.п.); продукты духовного творчества (произведения литературы, искусства, музыки, науки); результаты действий участников правоотношений (например, на основе договора); ценные бумаги и документы [4, с. 80]. В.А. Рыбаков, Морозова Л.А. отождествляет понятия блага и объекта правоотношения. «Объект правоотношения – это то реальное благо, на достижение, использование или охрану которого направлена реализация субъективных прав и обязанностей участников правоотношения» [5, с. 231]. По мнению Спиридонова Л.И. [5, с. 234] объекты делятся на два вида: юридические (правомерное фактическое поведение) и фактические (материальные и духовные блага). А.В.Мицкевич, В.М.Хвостов [5, с. 234-235] полагают, что в качестве объекта можно рассматривать и личность человека,

например в браке. Таким образом, в монистическом подходе объект – это все возможные действия субъектов правоотношений и такое представление затрудняет понимание того, что есть благо в рамках данного подхода, а в плюралистическом подходе благо – это один из объектов правоотношений.

А.Г.Братко различает понятия объекта и предмета правоотношений. Если объект для него – это разнообразные фактические общественные отношения, то предмет – материальные и нематериальные блага, либо поведение лица, по поводу которого возникает правоотношение. Как отмечает Братко, предмет правоотношений - это не любое благо, а только то, что связано с интересами общества, личности и которые регулируются правом [6, с. 150].

По мнению В.С.Афанасьева, Н.Л.Гранат [7, с. 152] объект правоотношений – это то, по поводу чего существуют правоотношения, то на что направлены субъективные права и обязанности сторон; человек не может быть объектом правоотношений, так как он не раб и не крепостной.

Иногда в качестве объекта правоотношений называют интерес его субъектов. Как указывает Морозова Л.А. и в уголовно-правовых и в административно-правовых правоотношениях есть интерес - интерес государства [8, с. 240].

Таким образом, в теории государства и права, в одних случаях, объект и предмет правоотношений не разделяются в понятийном отношении (Рыбаков В.А., Морозова Л.А.), в других же случаях под объектом правоотношений понимают фактические общественные отношения, а под предметом – те блага, по поводу которых отношения складываются (А.Г.Братко). На наш взгляд, необходимо разграничивать понятия объекта и предмета права (отрасли права) и объекта правоотношений. Наиболее обоснованным является плюралистический подход, в соответствии с которым под объектами правоотношений понимаются материальные, духовные блага и др. объекты. Данный подход соотносит объект правоотношений и благо как общее и частное. Включение в объект правоотношений самих общественных отношений (Братко А.Г.) является ошибочным, так как общественные отношения являются объектом регулирования права, а точнее конкретных отраслей права.

Помимо теории государства и права категория «благо» входит в категориальный аппарат и других отраслей права. Наиболее употребляемой и разработанной категория «благо» является в гражданском праве.

Причиной интенции правосознания являются те или иные желания в отношении отдельных объективных и субъективных благ правовой реальности. Интенции предшествуют интерес, желание, в след за которыми следует воление (волевой акт). Более того, сама интенция находит себя в волевом акте. Результатом желания применительно к правовой реальности является само благо: субъективное (материальное и духовное) и объективное (общественный порядок). На наш взгляд, к субъективным благам в правовой реальности следует относить также:

1) ощущение и осознание безопасности, защищённости в правовой реальности;

2) ощущение и осознание справедливости (в результате выполнения какой-либо законной обязанности, например: выполнения обязанности сообщения в правоохранительные органы или начальству о предложении взятки; реализации субъективных юридических прав);

3) ощущение и осознание реальной силы национального законодательства;

4) уважение к праву как социальному институту;

5) понимание закона и логики законодателя;

6) признание и уважение государственных служащих и должностных лиц, понимание логик их решений, действий (бездействий);

7) ощущение и осознание своей значимости как гражданина, возможности влияния на правовую реальность, а также возможности диалога с иными носителями правосознания.

Степень интенциональности желания зависит от ценности блага для конкретного субъекта. Уровень правосознания зависит от существа желаний, ценностных ориентаций, от благ, включённых в содержание интенциональных актов (переживаний, суждений).

Представление об интенциональном переживании вслед за Ф. Brentano рассматривалось Э. Гуссерлем. По Гуссерлю представленный предмет «имманентно присутствует в моём «акте», имеет в нём ментальное существование «(Inexistenz)...» [9, с. 343]. В идеях чистой феноменологии и феноменологической философии Гуссерль именуется направленность акта сознания – ноэзой, а сам объект ноэмой, при этом интенциональность может быть прямой и фоновой. Фоновая интенциональность означает, что в фокус внимания помимо мыслимой вещи входит ещё что-то. Отсюда в ноэзис, под которым понимается акт направленности сознания, входит ноэма, то есть мыслимый объект в том виде, в котором он есть в акте сознания, и иное. Так, в предмет прямой интенциональности входит само преступление, а в предмет фоновой: личность преступника, обстоятельства преступления, мотивы и т.д.

В своём раннем произведении «Интенциональные предметы» Гуссерль ставит вопрос о том, относится ли каждое наше представление к предметам [10, с. 36]. Он различает интенциональные предметы и действительные. Когда мы представляем какой-либо предмет, то существование представляемого предмета является не действительным, а интенциональным. Делая утвердительные суждения о предмете, мы утверждаем его действительное существование, которое «предполагает интерес» [10, с. 40]. В понимании Гуссерля реальным бытием (Dasein), обладают не только реальные предметы, но и мыслимые, подобно геометрическим фигурам [10, с. 57], в силу чего все элементы правовой реальности являются интенциональными объектами. Возможности правовых интенций детерминируются уровнем и формой правосознания. Правосознание способно рассматривать в качестве

интенционального объекта правовую реальность как в целом, так и её отдельные элементы.

В правовой реальности интенциональный объект является составным. Термин составной интенциональный предмет (или другими словами полный, целый) принадлежит Э.Гуссерлю [9, с. 348]. Типы интенциональных объектов это модусы «нечто»: нечто отдельное, нечто большее, целое, некое положение дел, некое отношение и т.д. [10, с. 123]. Правосознание направлено на ситуацию, событие, связи между ними. Внимание к конкретному закону очень часто связано именно с осмыслением правовой ситуации в целом. Закон интерпретирует правосознание в контексте конкретной правовой ситуации (фактического положения дел) и наоборот, сознание интерпретирует закон через правовые ситуации. Именно поэтому мы говорим о том, что в правовой реальности интенциональный объект всегда составной.

Правовое сознание всегда имеет субъект-объектную связь, которая является структурой интенционального переживания. Рудольф Берне пишет: «интенциональность без субъекта или объекта ставит вопрос о возможности сознания без объекта и (или) субъекта» и приходит к выводу о том, что интенциональность без Я – не возможна, но при этом без объекта – вполне [11, с. 149]. Это возможно по Берне в случае аффективных состояний. Если Берне говорит об отсутствии предметно данного объекта, то его позиция бесспорна. Данное понимание применимо для правовой реальности и правосознания, в случае, когда объектом интенции является не реально существующие, эксплицитно выраженные объекты, а лишь мыслимые, образные объекты. Интенцию необходимо отличать от рефлексии, в случае же аффективных состояний можно говорить о рефлексии, но не об интенциональном состоянии. При интенции внимание направлено на объект как таковой, а рефлексия предполагает фиксацию внимания на акте сознания. Когда правосознание направлено на какой-либо объект (например, на личность преступника), то речь идёт об интенции, а если на само себя (почему я думаю, что совершил преступление именно он, какие у меня доказательства?), то это рефлексия.

В заключение следует отметить следующее.

Все элементы правовой реальности являются интенциональными объектами правосознания (поскольку мыслимы), а также составными.

Интенциональный объект правосознания имеет своё место в логической цепочке развёртывания интенционального акта: «интерес-желание-поведение-благо». В этой цепочке всегда присутствует субъект, который выражает себя в интенции «интерес-желание-поведение» и объект (благо).

Под интенциональными благами правосознания понимаются объективные и формальные понятия, при этом объективное понятие – это мыслимая вещь, которая может существовать в мире предметов и не существовать, например: коммунизм, правовое государство. Формальные объекты – выражение объективного понятия в словесном выражении, например законы, преюдиция, недвижимость и т.п.

Круг интенциональных объектов в правовой реальности намного шире, нежели приведённый в нормативно-правовых актах круг объектов правоотношений. Кроме того, круг реальных интенциональных объектов правосознания намного шире, нежели круг действительных объектов, поскольку интенциональные объекты могут быть предметно даны и не иметь материальной формы.

Список литературы

1. Сёрл Джон. Открывая сознание заново. Пер. с англ. А.Ф.Грязнова. М.: Идея-Пресс. 2002.
2. Франц Brentano. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. Анипко А.А., предисловие Разеев Д.Н., Черненко С.В. СПб.: лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. Серия «Метафизические исследования. Приложение к альманаху». 2000. СПб: Алетейя, 2000.
3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / под. Ред. Л.И.Скворцова. М: Мир и Образование. 2016.
4. Малько А.В. Теория государства и права в схемах, определениях и комментариях: учебное пособие. Проспект. 2010. С. 80.
5. Рыбаков В.А. Теория государства и права: конспекты лекций (для студентов юридического факультета). Омск : Наука, 2005.
6. А.Г. Братко. Общая теория государства и права: Учебник / под. Ред. В.В.Лазарева. М.: Юрист. 1994.
7. В.С. Афанасьева, Н.Л.Гранат. Общая теория государства и права / под. Ред. В.В.Лазарева. 3 изд. Перераб. И доп. М.: Юристъ. 2011.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права. Учебник. 4 изд.
9. Гуссерль Э. Логические исследования. Т. 2. ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. Пер. с нем. В.И. Молчанова. М.: Академический проект. 2011.
10. Гуссерль Э. Избранные работы /сост. В.А.Куренной. М.: изд.дом «Территория будущего». Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского». 2005.
11. А.Н.Крюков. О возникновении вещей и их смыслов (дискретное и континуальное в феноменологии Гуссерля // Вопросы философии. 2016. №6.